

Ци Шоулинь рассмеялся, поднял лицо Чи Яня, которое слегка покраснело от того, что тот долго прятался у него на груди.

Он был так мил, просто невероятно мил.

Ци Шоулинь поцеловал Чи Яня в щеку, легонько прикусив покрасневшую кожу.

— М-м... — Чи Янь оттолкнул его и вытер левую щеку рукавом, удаляя слюну.

— Значит, ты всё ещё переживаешь из-за моего прошлого и хочешь узнать меня получше? — Ци Шоулинь пристально смотрел на него, его глаза ярко сверкали в комнате, где утренний свет был приглушён шторами.

Неужели Чи Янь ревнует?

— Я не имею права вмешиваться... — Чи Янь уклончиво ответил. — Просто подумал, что тебе одиноко быть одному дома в такой праздник.

На самом деле в его голове уже разыгрывались сценарии вроде «родители умерли, есть машина и дом» или «дворцовые интриги, моральное разложение».

— Да, я один, — спокойно признал Ци Шоулинь. — Мои родители за границей, мама — Омега, папа — Альфа. Мама считает, что длительные перелёты слишком утомительны, поэтому они приезжают раз в два года, или я сам еду к ним.

Всё оказалось настолько нормально... Даже состав семьи был стандартным: мужчина-Альфа и женщина-Омега.

— А братья и сестры у тебя есть?

— ...Нет, я единственный ребёнок, — произнёс Ци Шоулинь с лёгкой тенью на лице.

Чи Янь удивился. В семьях, где партнёры — Альфа и Омега, редко бывает только один ребёнок. Фертильность женщин-Омега даже выше, чем у мужчин-Омега. Даже в его семье, где родители были Бета и Омега, было трое детей.

Но вопросы о деторождении касались личной жизни, и он не имел права задавать их.

— Почему ты не остался за границей с ними? — Всё, что касалось Ци Шоулиня, было для Чи Яня загадкой. Какая среда, какая семья сформировали этого человека? Он был полон вопросов.

— Я уехал с ними, когда мне не было и десяти, потом учился за границей и, как они хотели, получил диплом престижного университета. Потом мне стало скучно, и я вернулся в страну. — Ци Шоулинь отпустил его, лёг на спину, его голос звучал лениво, как будто его собственная жизнь не стоила особого внимания.

Чи Янь не стал расспрашивать подробностей. Если он уехал так рано, значит, его семья была

не из простых.

Это и есть та самая «простая и скучная жизнь богатых»?

Неудивительно, что его личная жизнь так свободна. Вероятно, это влияние жизни за границей.

Капитализм губит людей.

— Ты сказал, что уехал, когда тебе не было и десяти. Сколько тебе сейчас лет? — Чи Янь продолжил разговор, следуя примеру из учебника английского: «How old are you?»

— ... — Ци Шоулинь повернулся на бок, подперев голову рукой, с загадочной улыбкой. — Угадай.

Уже дошло до возраста. Неужели этот камень задумал что-то большее?

Однако Чи Янь был просто любопытен.

Ци Шоулинь явно не выглядел как неопытный юнец. Его движения излучали уверенность и зрелость, которая не появляется за один день. Но сказать, что он стар? Глядя на это гладкое, красивое лицо, на эти подтянутые мускулы, на всё, что они пережили вместе... Чи Янь вовремя остановил свой поток мыслей.

— Тебе, наверное, 24 или 25, — Ци Шоулинь не стал ждать его ответа, продолжив сам. — Не волнуйся. Секс с тобой не заставляет меня чувствовать вину из-за разницы в возрасте.

— ...Значит, есть те, с кем ты чувствуешь вину... — Чи Янь не успел закончить фразу, как получил сильный щелчок по лбу.

Он действительно плохой, ничего больше. Чи Янь сжал слёзы.

— Мне 31 год, но Новый год уже прошёл, просто день рождения ещё не наступил. Так что пусть будет 32. — Ци Шоулинь подтянул его к себе, губами стерев слёзы. — Ты исчерпал лимит вопросов. Если хочешь узнать больше... смотри по обстоятельствам.

Чи Янь потёр болезненный лоб. Ему ещё многое хотелось спросить.

У тебя были отношения?

Ты, случайно, не был несовершеннолетним, когда впервые...?

Странно, почему его так интересуют такие личные или откровенные вопросы.

Он и сам стал плохим из-за Ци Шоулиня, во всех смыслах.

Послезавтра начнётся работа, и Чи Янь сказал, что сегодня обязательно вернётся домой, чтобы подготовиться к новому году.

Ци Шоулинь, конечно, был против, но всё же согласился.

Надо вернуться к рабочей жизни. Чи Янь напомнил себе.

Надо привыкнуть к жизни без него рядом. Подсознание Чи Яня шло против его воли.

Вечером, после ужина, Ци Шоулинь отвёз Чи Яня домой. Он ехал медленно, словно пытаясь продлить эти минуты наедине.

Остановившись у подъезда, Чи Янь не сразу вышел. В машине стояла тишина, нарушаемая только их дыханием.

— Ну... я пошёл. — Наконец Чи Янь двинулся, и Ци Шоулинь помог ему отстегнуть ремень безопасности.

Чи Янь посмотрел на него, и свет уличного фонаря, падая под углом, разделил лицо Ци Шоулиня на свет и тень. На освещённой стороне его глаз словно отражались белые горы и чёрные воды — спокойные, глубокие, но бесконечно нежные.

Ци Шоулинь думал, что Чи Янь должен поцеловать его, как это делают влюблённые при расставании. В губы, щёку, лоб... где угодно.

— Возвращайся осторожно. — Чи Янь тихо произнёс это и, словно убегая, выскочил из машины.

Ци Шоулинь глубоко вздохнул. Но это не страшно, по крайней мере, он больше не говорил о том, чтобы «закончить эти “тайные” отношения».

Прогресс всё же был. По крайней мере, Чи Янь принял его прикосновения, его проникновение, его поцелуи.

Ци Шоулинь посмотрел на окно на четвёртом этаже, где зажгётся свет. Чи Янь выглянул из-за занавески, словно пытаясь незаметно убедиться, уехал ли он. Увидев, что Майбах всё ещё на месте, он перестал прятаться и помахал рукой в сторону машины.

Ци Шоулинь рассмеялся от этого жеста.

По крайней мере, они постепенно сближались.

Чи Янь вернулся домой, прибрался и хотел заняться учёбой. Но настроения не было. Он позвонил отцу, тот сказал, что всё в порядке, с младшими братьями и сестрой тоже всё хорошо, не стоит волноваться. Включил телевизор, но смотрел его лишь как фон. Пролистал телефон, ответил на множество сообщений. Когда он был с Ци Шоулинем, даже отсутствие телефона не казалось проблемой. В рабочей группе он отправил довольно крупный красный конверт, извиняясь за то, что из-за семейных дел не замечал сообщений столько дней.

Все в группе шутили и смеялись, атмосфера была весёлой.

Наконец он снова лёг на свою знакомую кровать, и чувство пустоты в душе понемногу ушло.

Всё-таки это был хороший праздник.

Семья в порядке. Работа тоже.

И... всё в порядке...

С другой стороны, Ци Шоулинь оказался в ситуации «холодное одеяло и лёгкая шуба», печально и одиноко. Он ворочался в постели, но никак не мог устроиться удобно, ни на боку, ни на спине.

Последние несколько дней у них были «вечерние упражнения», и в его объятиях всегда было тепло, словно он обнимал огонь.

В конце концов он устался на подушку, на которой спал Чи Янь, и, неохотно прижав её к себе, вдыхая остатки его запаха, печально уснул.

Глава X. Дополнительная сцена

Тридцатилетний камень встречается семнадцатилетнего Ци Шоулиня!

— Пасуй! Пасуй!!! — На футбольном поле раздавались истошные крики, глухие удары не прекращались.

— В атаку!

— Блокируй!

Это был не футбол, а американский футбол.

— Чёрт, я же говорил, что этот парень не справится с позицией слепого блокирующего. С его

телосложением его сразу сбивают с ног! — игрок под номером 60 снял шлем и швырнул его в сторону.

— Ладно, Робо... это всего лишь тренировка, — игрок под номером 1 подошёл и похлопал 60-го по плечу.

Игрок номер 60 был рыжеволосым белым парнем, но его телосложение совсем не соответствовало его возрасту — ему было всего семнадцать, но он был очень крепким. В защитной экипировке для американского футбола он выглядел ещё более массивным.

<http://bllate.org/book/15527/1380503>